

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА-СИМВОЛА БАБОЧКИ В ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Резюме: В данной статье мы попытались осуществить компаративное и комплексное рассмотрение образа-символа бабочки и связанной с ним атмосферы детства в христианском аспекте в определенных текстах Владимира Набокова. Основное внимание мы уделяем произведениям, созданным им в эмиграции. Выделяется швейцарский контекст – теоретический и практический (в том числе связанный с научными конференциями, в которых участвовала автор исследования). Используются источники, присутствующие в открытом доступе Кантональной и Университетской библиотеки Лозанны (BCUL). Материалом анализа служат его избранные произведения и интервью, где ключевым является образ-символ бабочки: рассказ *Рождество*, воспоминания *Другие берега*, ранняя лирика (под псевдонимом В. Сирин). К нему примыкают образы девочки из детства (от реальной до обобщенной), блоховской Прекрасной Дамы и др. Выделена связь между *Рождеством* и *Другими берегами* (показ детства, символ бабочки, девочка-соседка и т.д.). Также вычленены аллюзии. Уделяется внимание менее заметным реминисценциям, аллюзиям, пастишу и т.д. Акцентируется компаративный аспект. Рассмотрена рецепция Набокова в среде современной ему русской эмиграции. Мы попытались доказать нашу гипотезу, что образ-символ бабочки является одним из важнейших у писателя, но в то же время показан им в развитии. Выделены реальные и ирреальные черты бабочки в набоковском дискурсе. В частности, анализируются колоративы, связанные и с символическим, и энтомологическим аспектами. Найдены бинарные оппозиции: душа – тело (плоть), слепота – прозрение, эстетичное – антиэстетичное, и др. Выделяются славянский, французский, швейцарский, американский и другие контексты творчества автора. Для анализа нам послужили тексты на русском, английском, французском языках. Применяются текстологический, символический, мифологический, поэтологический, компаративный анализ.

Ключевые слова: образ, бабочка, текст, память, символ, архетип, мифология, христианство, эмиграция

1. Вступление

Научная библиография, посвященная жизни и творчеству Владимира Набокова (1899–1977), на сегодняшний день огромна и постоянно пополняется (на русском, английском, французском и других языках), что свидетельствует о неисчерпаемом интересе к личности этого гениального писателя, поэта, переводчика, энтомолога, литературоведа, литературного критика, педагога. Также выделяется интермедиаальный анализ (например, об экранизациях его *Лолиты* в сравнении с текстом: на английском языке – Richard Corliss, *Lolita* – British Film Institute, 1994, и др.). Заметно, что в первую очередь до сих пор обращают внимание на роман *Лолита*, но хотелось бы большего анализа других текстов писателя. Также есть труды на иную тематику. В частности, это: на французском языке – из новейших: сборники научных статей и других исследований L’Herne, *Vladimir Nabokov* (de Éditions l’Herne, 2023); *Vladimir Nabokov et la traduction* (Études réunies par Julie Loison-Charles et Stanislav Shvabrin, 2021); из классических работ хочется отметить англоязычный

¹ Unaffiliated Ukrainian philologist and scholar, PhD candidate in philosophical sciences.

учебник по творчеству В. Набокова *Vladimir Nabokov* авторства Julian Moynahan – штат Миннесота (Issue 96, 1971 г., т.е. при жизни писателя), и т.д. (Перечисленные труды находятся в Кантональной и Университетской библиотеке Лозанны – La Bibliothèque Cantonale et Universitaire BCU Lausanne, далее BCUL; в данной библиотеке в 2023 г. была организована книжная выставка по изданиям В. Набокова). На русском языке, в частности, интересен сборник научных статей М. Рыклина *Свобода и запрет. Культура в эпоху террора* (2008), где автор анализирует биографию и творчество В. Набокова, в том числе приводя факты о писателе (Рыклин, 2008: 149-189). Также следует рассказать о мероприятиях, посвященных ему – в частности, из новейших – о швейцарской выставке в мае 2023 г., посвященной этому писателю в Montricher, в организации La Fondation Jan Michalski; на это событие была индивидуально приглашена автор статьи). Также автор статьи как индивидуально приглашенная присутствовала в Лозанне на посвященной экологии Международной конференции: *Le colloque international 2023 Vladimir Nabokov : écrire la nature / writing nature – Владимир Набоков: описывая природу* (Lausanne, Montreux, Montricher, 27–30 июня 2023. (Лозанна, Монтрё, Монтришёр, организаторы – Французское общество Владимира Набокова – Société Française Vladimir Nabokov – и Лозаннский университет – UNIL). Но все же заметно недостаточное внимание к отдельным вопросам поэзии, прозы и переводов этого классика. Также не хватает комплексного рассмотрения его текстов, в том числе в швейцарском контексте (известно, например, что последние годы писатель прожил в городе Монтрё – Montreux, кантон де Во – de Vaud, где и умер (Рыклин, 2008: 189)). В связи с этим биографические моменты зачастую или неотделимы от конкретных произведений автора (где могут служить аллюзиями), или представляют собой сублимированные примеры. Данное исследование предлагает рассмотреть, как трансформировался образ-символ бабочки на примере избранных произведений В. Набокова, а также отдельные образы из его поэзии (под псевдонимом *В. Сирин*), посвященной воспоминаниям о детстве.

В исследовании используются источники в свободном (открытом) доступе Кантональной и Университетской библиотеки Лозанны (далее BCUL). Для нашего исследования мы воспользовались текстами на русском, английском, французском языках.

Используются компаративный, текстологический, символический, архетипный, мифологический, поэтологический, компаративный метод.

Цель статьи: рассмотреть генезис образа-символа бабочки на примере избранных произведений В. Набокова разных периодов.

Задачи: 1) проанализировать символ бабочки как универсалию (имеющий общие черты для разных культур) и как индивидуально разработанный у писателя; 2) рассмотреть символику, аллюзии, палимпсест и пастиш (т.е. интертекстуальность) в избранных произведениях В. Набокова; 3) сосредоточиться на автобиографическом, мифологическом и других аспектах; 4) построить звенья от прочитанной писателем еще в детстве классики до обработанных им мотивов в собственных текстах. Основными произведениями для анализа являются прозаические – рассказ *Рождество* и воспоминания *Другие берега*. Также принимаются во внимание несколько стихотворений и поэм раннего периода (псевдоним *В. Сирин*), перекликающиеся с прозой (как и позднейшими) произведениями В. Набокова, а также другими классическими текстами. Ключевыми *образами-символами* являются *бабочка*, *душа* и *девочка*. В юнгианском ключе (аналитическая психология, архетипный анализ) изучается *Анима* героя и автора и также исследуются Эрос и Танатос.

В русско-, англо-, франкоязычных и других исследованиях в достаточной мере рассмотрено научное увлечение В. Набокова бабочками – от биографического до литературоведческого аспекта. Поэтому хотелось бы сосредоточиться на отдельных менее известных моментах.

Из интервью телевидению Би-би-си (1962 г.) примечательны следующие ответы. На вопрос: “Вы профессиональный лепидоптеролог?” (Набоков, 2008: 567) (т.е. специалист по бабочкам) писатель ответил: “Да, меня интересуют классификации, различия, эволюция, анатомия, распространение, привычки лепидоптеры – звучит очень пышно, но на самом деле я специалист по очень маленькой группе бабочек. Я опубликовал несколько статей о бабочках в различных научных журналах, но хочу повторить, что мой интерес к бабочкам носит исключительно научный характер” (Ibid: 567). Да, он открыл несколько новых видов бабочек и был более крупным исследователем, нежели себя считал. Тем не менее, как широко известно, в творчестве В. Набокова (а не только в научных работах и коллекциях – в том числе на упомянутой швейцарской выставке в мае 2023 г. в Montricher (на мероприятии были очень выразительно представлены бабочки).

На вопрос о бабочках: “Есть ли тут какая-нибудь связь с вашим творчеством?” (Ibid: 568) автор ответил утвердительно: “В отвлеченном смысле есть, поскольку я думаю, что в произведении искусства происходит как бы слияние двух вещей: точности поэзии и восторга чистой науки” (Ibid).

2. Бабочка как универсальный и индивидуальный символ: рассказ *Рождество*, связь с автобиографическими воспоминаниями (детство – *Другие берега*)

2.1. Символ бабочки

Как известно, бабочка в символике и мифологии разных народов означает душу, Психе или Псюхе – *psyche* (Chetwynd, 1987: 66, Shepherd, 2002: 215) означает “четыре функции *psyche*” (Chetwynd, 1987: 66), трансформацию (Ibid: 404). Также бабочку ученые в психоанализе связывают с Эросом, в Элладе выбрали именно это насекомое благодаря его наиболее очевидным метаморфозам (Philibert, 2000: 298). Некоторые исследователи мифологии считают, что бабочка связана с *Танатосом* и *Гипносом*, т.е. смертью и сном (Shepherd, 2002: 215). Также это насекомое древние греки отождествляли с сильфами – крылатыми воздушными духами (Ibid: 215). Итак, бабочка – *Эрос* и *Танатос*.

В нашей статье не принимаем во внимание символ бабочки в буддизме (Япония, Китай и т.д.), мифологии индейцев и т.д., потому что они не связаны с данным образом в конкретно рассматриваемых произведениях В. Набокова (хотя есть иные мнения: Арустамова и др., 2023: 61-65), но следует сказать, что это насекомое издавна привлекало разные культуры.

В христианстве бабочка и ее превращения поэтапно означают: гусеница – жизнь, куколка – смерть и бабочка – воскресение (Hall, 1994: 14) (как раз эта трактовка укладывается в идею рассказа *Рождество*). Невзрачная куколка в данном произведении, находящаяся во мраке шкафа, означает смерть (вообще сами превращения бабочки танатологичны (Colin, 2000: 442)), тогда как прекрасная бабочка, безусловно, воспринимается как воскресение, душа, покинувшая бренное тело. Черный комок, который вначале видится Слепцову, может также означать пелены на теле умершего Лазаря, воскрешенного Иисусом Христом (возможно, здесь автор, воспитанный в христианской культуре, употребил имплицитную символику). В Евангелии от Иоанна сказано: “И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам

погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет” (Ин. 11:44) (Библия, 2009: 116).

Можно сравнить этот отрывок с другими переводами Библии. Неизвестно, какую именно англоязычную Библию читал В. Набоков в тот период (его воспитание на английском языке и в англоязычной культуре давно общеизвестны – например, в *Других берегах*: “В обиходе таких семей как наша была давняя склонность ко всему английскому...” (Набоков, 1954: 67)), но можно допустить несколько версий. Так, в более старом переводе (идущем от King James Bible) говорится: “And he that was dead came forth, bound hand and foot with gravecloths: and his face was bound about with a napkin. Jesus saith unto them, Loose him, and let him go” (St. John 11:44) (The Holy Bible. Apocrypha: 145). В более новом переводе сказано: “The dead man came out, his hands and feet bound with bandages, and his face wrapped with a cloth. Jesus said to them, “Unbind him, and let him go”” (John 11:44) (The Holy Bible, 1952: 100).

Вернемся к бабочке. Как образ-символ это насекомое *архетипично*. Прежде всего исследуемый символ ассоциируется с Древней Грецией, античностью (образ Психеи) как наиболее известным, но *душа-бабочка* была известна славянам, кельтам и другим народам, это насекомое присутствует в поверьях и даже суевериях, не говоря уже о легендах. Традиционно оно связано с душой, а этимологически напоминает и птиц, и летучую мышь (нетопыря) (Терновская, 1995: 125) – не зря описание появления индийского шелкопряда В. Набоковым показано похожим вначале на летучую мышь, хоть и без эпитета “летучая” – черный комок, кажущийся отвратительным. Верили, что “душа умирающего покидает тело в виде бабочки” (Гура, 2002: 27). Но что можно сказать о роли и интерпретации данного символа у В. Набокова?

В частности, можно провести компаративный анализ рассказа *Рождество* и отрывков из книги *Другие берега*.

2.2. Бабочка Рождества

Так, в рассказе *Рождество* безутешному отцу Слепцову, потерявшему юного сына, умершего от тяжелой болезни, среди других вещей этого близкого человека попадает дневник ребенка, о котором при жизни того герой не подозревал. (Надо сказать, что в произведении не называются ни имя, ни возраст мальчика, этот персонаж – просто “сын”; по церковной терминологии, сложно понять, как называть его – “младенцем” или “отроком”, но из контекста видно, что второе определение – скорее всего). Из этой тетради Слепцов узнает о внутреннем мире своего сына – достаточно богатом и незаурядном; оставаясь ребенком с его сильными переживаниями и непосредственностью, мальчик показал себя и яркой личностью. Также важно, что мальчику принадлежала коллекция бабочек. Из забытого кокона индийского шелкопряда неожиданно вылупляется бабочка, которая летит на свободу. Ключевое настроение – изумление отца. Действие происходит накануне Рождества – в период мистерии, когда возможны разные чудеса. Символично, что умирает мальчик – а родится также мальчик, младенец Иисус Христос. Ключевым образом является *индийская бабочка* (символ, который будет проанализирован далее): “Совсем недавно, в Петербурге, – радостно, жадно поговорив в бреду о школе, о велосипеде, о какой-то индийской бабочке, – он умер...” (Набоков, 1976: 69). Произведение очень многоплановое, поскольку показывает отстраненность (независимо от настоящей родственной любви) взрослого и ребенка, наличие секретов, о которых Слепцов не подозревал: “Это немисливо... я ведь никогда не узнаю...” (Ibid: 73). Это тайны душевного мира, причем некоторые из них доступны

как записи, но главного отец уже не узнает. Также это Божья тайна. Впрочем, его “слепота” не окончательна.

Важно также то, что умерший сын коллекционировал бабочек. Это сближает героя с самим автором. В тексте сказано: “Теперь они давно высохли – нежно поблескивают под стеклом хвостатые махаоны, небесно-лазурные мотыльки, рыжие крупные бабочки в черных крапинках, с перламутровым исподом. И сын произносил латынь их названий слегка картаво, с торжеством или пренебрежением” (Ibid: 72). Картавость может означать детский дефект речи, который ребенок бы перерос, но также может объясняться ранним знакомством с французским и английским языками (как у самого В. Набокова) и влиянием их на артикуляцию.

Что сказать о главном герое – Слепцове? Впервые открыв для отечественного читателя В. Набокова, в 1991 г. А. Д. Толстой писал об анализируемом рассказе: «Автор с легким сочувствием указывает человеку с фамилией Слепцов на его душевную слепоту – ведь эта “понятность”, “бесплодность” жизни, которую он ощутил, есть на самом деле заблуждение. Человеку явлено чудо рождения, таинственное и прекрасное, чудо Рождества (действие рассказа происходит в рождественскую ночь). Слепцов же “слеп”, и крест на сельской церкви сияет ему “слепо»” (Толстой, 1991: 13). Упоминания о слепоте здесь связаны с горем отца, уже ничего не воспринимающего, но, как известно в концовке, герой духовно *прозрел*, физически увидев бабочку. Здесь можно говорить об *изумлении*, *озарении-инсайте* (поскольку появление бабочки слишком неожиданно), но духовно герой прозревает или близок к прозрению. Поэтому духовная слепота героя не безнадежна. Также, как и евангельских слепых, его исцеляет Иисус Христос – незримый, но ощутимый в рассказе (не забываем, что праздник Рождества – как раз день рождения Спасителя). Автор вроде бы то отстраняется, то вживается в психологию Слепцова, а читатель вслед за автором (раскрывающим тайну бабочки) уже готов подсказать главному герою выход из положения: *прозреть* и увидеть воскресение души.

С Танатосом связана не только сама смерть маленького героя, но и символика бабочки. В дневнике сына сказано: “Сегодня – первый экземпляр траурницы. Это значит – осень” (Набоков, 1976: 73). Само название бабочки “траурница” красноречиво – от слова “траур”. Также осень и зима означают засыпание, а еще – смерть. Т.е. эта запись говорящая, символичная. В этом же отрывке сказано о девочке (неизвестной ни Слепцову, ни читателю): “Она, вероятно, уехала, а я с нею так и не познакомился. Прощай, моя радость. Я ужасно тоскую...” (Ibid: 73).

Интересно, что в начале рассказа нагнетается танатологическая атмосфера, показанная глазами отца (т.е. субъективно), но далее автор намекает на возрождение. Важна деталь об “индийском коконе” (Ibid: 71): “О нем сын вспоминал, когда болел, жалел, что оставил, но утешал себя тем, что куколка в нем, вероятно, мертвая” (Ibid: 71). Но дальнейшее действие показывает, что куколка жива. Отогревшись в тепле, она превращается в прекрасную бабочку. Тело мальчика умирает, но душа напоследок является отцу – в виде бабочки.

В *Рождестве* рождение бабочки показано принципиально антиэстетично – тем сильнее изумление Слепцова потом. Вначале он видит, как “по стене, над столом, быстро ползет вверх черное сморщенное существо величиной с мышь” (Ibid: 74). Если бы не упоминание о прорванном коконе (Ibid: 74) выше, читатель решил бы, что речь идет как раз о мыши или другом создании, кажущемся герою и реципиенту отвратительным. Но далее о существе (описанном по принципу остранения) сказано следующее: “Оно остановилось, вцепившись шестью мохнатыми лапками в стену, и стало странно трепетать” (Ibid: 74). Автор объясняет: “Оно вылупилось оттого, что изнемогающий от горя человек перенес жестяную коробку к себе, в теплую комнату”

(Ibid: 74-75), причем ключевое слово здесь – “тепло”. Его можно понимать и как тепло души, любовь (к сыну – а здесь и вообще любовь к живому). Пробуждение и возрождение бабочки описано подробно, причем ее полет и порыв показаны как свобода. Метаморфоза: “...и на стене уже была – вместо комочка, вместо черной мыши – громадная ночная бабочка” (Ibid: 75). Ночная сторона жизни, связанная с Танатосом, но и тайнами бытия, подчеркивается в этом предложении словом “ночная”, “ночами”: “...индийский шелкопряд, что летает, как птица, в сумраке возле фонарей Бомбея” (Ibid: 75).

В славянской мифологии бабочку связывали с “мотивом предков” (Терновская, 1995: 125), почему и запрещали убивать этих насекомых. Это лишь одна из интерпретаций (я не беру демонологическую (Ibid: 126), поскольку она не подходит рассказу *Рождество*). Но в анализируемом произведении оригинально показано, что бабочка – это связь старшего (отца) с *потомком*, т.е. сыном.

И в *Рождестве*, и в *Других берегах* описана детская влюбленность героя, причем о которой узнают *post factum*, из *записей*: отец – из дневника мальчика, читатели воспоминаний – из текста самого автора, готовой книги. В конечном итоге, главным посвященным в тайну является *читатель*. Итак, контакт не столько прямой, сколько опосредованный.

В рассказе *Рождество* присутствует даже детская трагедия первой влюбленности: как упомянуто выше, маленькая соседка, возможно, уехала, и мальчик не успел с ней познакомиться (Набоков, 1976: 73) (о чем сожалеет в дневнике). Больше герои никогда не встретятся из-за смерти этого автора дневника. (Интересно, что есть версия о девочке-бабочке в образе Лолиты (Арустамова и др., 2023: 63). В *Других берегах* главный герой (тогда десятилетней) знакомится на пляже Биаррица “с французской девочкой Колетт” (Набоков, 1954: 138) (*Глава седьмая*, также этот эпизод включен в рассказ *Первая любовь* (Набоков, 2020: 579-582)), своей ровесницей, влюбляется и мечтает ее далеко увезти, едва не сбегая из дома (Ibid: 138-140). Эпизод знакомства и романтические мечты (несколько комические, но серьезные как переживания ребенка) тут показаны более оптимистично, так как герои смогли поговорить, явно симпатичны друг другу, действительно дружат, есть воспоминание о первом поцелуе (Ibid: 138-139), Танатос отсутствует, и т.д. Как и мальчик в *Рождестве*, герой *Других берегов* испытывает искренние чувства к своей подруге: “За два месяца пребывания в Биаррице моя страсть к этой девочке едва ли не превзошла увлечения бабочками. Я видел ее только на пляже, но мечталось мне о ней беспрестанно” (Ibid: 139). Здесь заметны мотивы образа Прекрасной Дамы: объект или недоступен, или возлюбленную можно видеть изредка, только в одном месте; так же, как рыцарь, маленький герой защищает свою Прекрасную Даму (“удачно отколотил рыжего мальчика, однажды обидевшего ее” (Ibid: 139); большие мечты не совпадают с реальностью, но герой-рассказчик прилагает усилия). Протагонист еще не умел формулировать, чем его привлекла именно Колетт, но ретроспективно замечал: “Познакомившись же с Колетт, я понял, что вот это – настоящее. По сравнению с другими детьми, с которыми я игрывал на пляже в Биаррице, в ней было какое-то трогательное волшебство...” (Ibid: 138). Также в контексте детства непривычно слово “страсть” (испытываемая ребенком к ровеснице), но автор формулирует именно так. Вообще данный отрывок свидетельствует о темпераменте писателя (вылившемся в творческий) и его принципах. Эта девочка напоминает неуловимую бабочку, ускользающую от героя (и автора: оба – ловцы и знатоки бабочек), героиня остается недостижимой мечтой в воспоминаниях писателя, навеки застыв в своем возрасте: “И вот теперь я стою и держу этот обрывок самоцветности, не совсем зная куда его приложить, а между тем

она обегает меня все шибче, катя свой волшебный обруч, и наконец растворяется...” (Ibid: 141).

3. Другие берега: символ бабочки

С рассказом *Рождество* роднит *Другие берега* и эпизод из *Главы шестой*, но этот отрывок смешивает реальность с фантазией. Так, рассказывается: “...когда мне шел седьмой год” (Ibid: 111), герой увидел махаона (его красота подробно описана, в отличие от индийского шелкопряда) и страстно пожелал иметь эту бабочку. Ее, пойманную, запирают в шкаф, “где пленнице полагалось за ночь умереть от нафталина” (Ibid: 112). Но далее происходит, как в *Рождестве*: “...но когда на другое утро Mademoiselle отперла шкаф, чтобы взять что-то, бабочка, с мощным шорохом, вылетела ей в лицо...” (Ibid). Дальше махаон улетел в окно, причем именно здесь автор рассматривает бабочку уже символически – как недостижимую вначале мечту, своеобразную *Синюю птицу* Мориса Метерлинка, которую творческий человек благодаря своему упорству все-таки ловит: “...все продолжала лететь на восток, над тайгой и тундрой, на Вологду, Вятку и Пермь, а там – за суровый Урал, через Якутск и Верхнеколымск, а из Верхнеколымска – где она потеряла одну шпору – к прекрасному острову Св. Лаврентия, и через Аляску на Доусон, и на юг, вдоль Скалистых Гор, где наконец, после сорокалетней погони, я настиг ее...” (Ibid). Понятно, что здесь автор имеет в виду свой американский период, а также перенесенные испытания и страдания. Махаона здесь можно понимать также как самоидентичность. Сама эта бабочка редкая и может символически означать настоящую индивидуальность (которой и был автор). К этому тексту примыкает интервью журналу *Vog* (апрель 1972 г.), в котором В. Набоков щедро делился воспоминаниями о своей ловле бабочек (равно как и опытом хранения экземпляров) – в Европе, Северной Америке, Канаде и т.д. (Набоков, 2004: 601-603). Он подытожил: “В основном я занимался высокогорными бабочками Европы и Северной Америки, побывать в тропиках мне так и не пришлось” (Ibid: 603). Тем не менее, индийский шелкопряд в *Рождестве* описан точно.

Бабочка внешне эфемерна. Зинаида Шаховская, анализируя поэтические тексты В. Набокова, писала: “...Эфемеры, без даты, оно тоже имеет “ангельский” мотив” (Шаховская, 1981: 234). И эфемера, и ангел означают душу и полет. Таким образом, в *Других берегах* вырвавшийся махаон означает свободу, порыв, стремление, а индийский шелкопряд *Рождества* – прекрасный после черного кокона и куколки – означает прохождение души мрака мытарств и, возможно, ада, а после – в преображенном виде – ее полет в рай. (Темнота означает и могилу, и матку, и, может быть, лимб; безусловно, автор все это знал). Бабочки бывают и прозрачны, что вызывает дополнительную ассоциацию с душой. Полет индийского шелкопряда (бабочка показалась отцу мальчика!) может означать и аллюзию на древнегреческую мифологию – поверья в том, что душа умершего возвращается к близкому человеку в образе бабочки и таким образом избавляет того от лишних страданий и тоски. Итак, здесь могут быть и античный, и христианский контексты.

4. Колоративы набоковской бабочки и снова ретроспектива детства

Колоративы: возвращаясь к рассказу *Рождество*: если бабочка – душа, то, связанная с Танатосом, она могла бы быть белой или черной. Но здесь автор сознательно описывает ее разноцветной, удивительной. Интересно, что цвета не названо (индийский шелкопряд может быть разных оттенков, от рыжего до синего и черного), фантазия предоставлена реципиенту. Главное, что у этого создания – “простертые крылья, загнутые на концах, темно-бархатные, с четырьмя слюдяными

оконцами” (Набоков, 1976: 75). Темный бархат вызывает ассоциации с ночью, а слово “оконца” говорит сами за себя. Это окна в другой мир. Разноцветная бабочка (причем индийская, экзотическая, редкий экземпляр) означает богатый духовный мир мальчика, вначале видный из дневника. Индия здесь – и реальная, научная, и ассоциация с Индийским царством (которое фигурирует в сказках, былинах и других фольклорных жанрах) как символ чудес, всего необычного и несметных богатств. Контраст – возрождение из темноты (необходимой для кокона и куколки), полет переливающихся радугой (не отсылка ли к небесной символике?) крыльев к свету. Иными словами, это произведение означает взаимосвязь жизни и смерти, христианское воскресение и воскрешение души. Оно доступно не только покойному сыну, но и отцу, который прозрел и уверовал. Наступил *катарсис*. Т.е. рассказ *Рождество* (недаром само название символично и означает *рождение*) повествует о бессмертии души, несмотря на бренность тела. Этот рассказ – выразительно христианский.

Итак, *черный комок* во мраке шкафа (ассоциации с могилой, гробом, но и материнским лоном) – это еще *Танатос*, тогда как *разноцветная бабочка* – уже *Эрос* или, во всяком случае, жизнь вечная, а также *воскресение*.

В книге воспоминаний *Другие берега* также фигурируют бабочки, но скорее как более конкретный образ, непосредственно связанный с детством автора. Бабочка также означает углубление в себя, интроверсию будущего писателя, а также его путь в поисках этих насекомых. Также бабочка в данном случае означает тайну бытия, мироздания, которую непосредственный ребенок, обладающий интуицией, сможет осознать скорее, чем взрослые.

Бабочка-душа связана с образом девочки как Анимы и Психеи. Подготовка к образу девочки, в которую влюблен герой, намечается уже в ранней лирике В. Набокова, изданной под псевдонимом *В. Сирин*. Это, например, стихотворение “*Я думаю о ней, о девочке, о дальней...*” (4 июня 1921 г.) (Набоков, 1991: 36) – воспоминания о детских играх, “И ведали мы все тропинки дорогие, / и всем березанькам давали имена, / и младшую из них мы назвали: Мария / святая Белизна... // О Боже! Я готов за вечными стенами / неисчислимые страданья воспринять, – / но дай нам, дай нам вновь, под теми деревцами / хоть миг, да постоять!..” (Ibid: 36). (О березовой символике, но в прозе В. Набокова, например: Попова, О. А., и др., 2023: 23). Возможно, безымянная Анима этого стихотворения позднее развилась в образы неизвестной девочки в *Рождестве* и более реальной для автора и читателя Колетт в *Других берегах*. В других стихотворениях, например: “Мечтал я о тебе, так часто, так давно...” (6 июля 1921 г.) (Ibid: 41) – не отголосок ли это блоковских стихов о Прекрасной Даме (тем более что известны набоковские стихотворения памяти этого классика, и там упоминается Прекрасная Дама (Ibid: 42))? По этому произведению, лирический герой еще с детства искал вечный, неизменный идеал.

5. Что означает “шутка домового” в контексте детства?

Все вышеупомянутые тексты часто – *ретроспективны*. Это воспоминания, пробуждение в собственной памяти образов прошлого. В связи с этим можно исследовать и другие детские воспоминания, построенные и на личном опыте автора и лирического героя, и на классических иллюзиях. Например, в ранней поэме *Детство* (1918) примечательна XV строфа: “И странно: мнится мне, что сон мой долго длился, / что я проснулся лишь – теперь и что во сне, / во сне младенческом приснилась юность мне; / что страсть, тревога, мрак – все шутка домового, / что вот сейчас, сейчас ребенком встану снова, / и в уголку свой мяч и паровоз найду... Мечты!..” (Ibid: 25). Здесь интересна строка: “...страсть, тревога, мрак – все шутка

домового” (Ibid: 25). Размером и рифмами отрывок перекликается с классическим стихотворением романтика Дмитрия Веневитинова (1805–1827) *Домовой* (1826 (Веневитинов, 1956: 68), опубликовано в 1829 г., посвящено “O Alexis” (Ibid: 244) (обращение к брату Алексею)” (Ibid)), положенным на музыку. (Этот романс также есть в ВСUL). Текст построен как диалог старшей (и более рассудительной) героини с младшей – очевидно, девушкой. Это разговор женщины (возможно, матери, воспитательницы или другого близкого человека) с простой девушкой Парашей (“Что ты, Параша, так бледна?” (Ibid: 68)), где в мифологической форме зашифровано свидание главной героини в темноте (под домовым понимается возлюбленный). В стихотворении присутствуют рефрены, где важна рифма “домового”: “Тебе ли видеть домового?”, “Тебе ли слышать домового?”, “Я не видала домового” (Ibid). В набоковской поэме домовой может пошутить тем, что напустит чары, герою будут казаться “страсть, тревога, мрак” (Набоков, 1991: 25) (по мифологии, домовой запугивает, насылает страхи, а также то, что в народных сказках называется “морочка” – сегодня это назвали бы гипнозом). Иными словами, в анализируемой поэме В. Сирина может быть мифологический аспект, вплетенный в классический (так как романтик Д. Веневитинов интерпретировал в своем стихотворении народное поверье, демонологию²). У романтика показано, что на самом деле домового в действии стихотворения не существует (его роль выполняет возлюбленный, зашифрованный девушкой под этим именем), а в поэме В. Сирина презентуется пример детского мышления: если в реальности (и взрослый автор это *уже* понимает, но ведь прежний герой, ребенок, этого *еще* не знает, не ощущает) домового не существует, то домовой – реальный в детском воображении, особенно ночью.

Аллюзии в произведениях В. Набокова настолько часты, что их невозможно рассмотреть все в данном исследовании даже на примере нескольких избранных текстов. Автор интертекстуален, причем не всегда осознанно. Его современница-мемуаристка, также эмигрантка, Зинаида Шаховская (1906–2001) писала в исследовании *Читая Набокова*: “Удивительно все-таки, как Набоков, так внимательно относящийся к своему творчеству, с такой беспечностью относится к повтореньям, он не мог не знать, что именно самое удачное определение, самая оригинальная мысль или фраза должны быть единственными... Что-то понуждало его к такого рода возвращением” (Шаховская, 1991: 48). С этим трудно согласиться, так как у В. Набокова – очень тонкие приемы, его тексты сложны и часто вырастают из предыдущих, автор постоянно экспериментировал, так что его самоповторы (аллюзии) оправданы. Поэтому замечание “Что-то понуждало его к такого рода возвращением” (Ibid) здесь может означать именно работу автора над собой.

В другом тексте, сосредоточившись на стихах В. Набокова-Сирина, З. Шаховская замечала, акцентируя на *символе бабочки*: “С 30-х годов, действительно, “ангелы” отлетают и “перья золотые с его незримого крыла” обращаются в пыльцу с крыльев бабочек, обреченных булавке и формулу [формалину. – О. С.]. Полная стилизация в поэзии, без участия внутреннего побуждения, Набокову как раз не удается и в сборнике *Стихи* это доказано наглядно удивительно неудачным пастишем на Марину Цветаеву “Иосиф Красный”. В. Набоков зато был талантливейшим пастишером в прозе” (Шаховская, 1981: 235). Здесь ключевое слово – *пастиш*. Может быть спорным утверждение о том, что этот писатель был “неудачным пастишером” в поэзии, так как и в раннем его творчестве есть удачные примеры аллюзий, мотивов, интертекста и прочего.

² Интересен, в частности, труд на тему отражения демонологии в русской классике: Сдобнов 2002.

Если вернуться к символу бабочки, то стоит подвести итог. В набоковских текстах бабочка означает хрупкость плоти, но и бессмертие души, а также свободу, полет. В связи с этим можно процитировать слова В. Набокова в вышеуказанном интервью: “В действительности я тихий пожилой господин, который ненавидит жестокость” (Набоков, 2008: 577).

6. Заключение

Осуществленный компаративный анализ показал интересную и неожиданную эволюцию образа-символа бабочки в избранных текстах В. Набокова. Заметно, что этот символ – сквозной. Также он как биографический (причем сочетающийся с научными исследованиями писателя), так и ирреальный, построенный на мифологии – в том числе авторской, индивидуальной. Найдены черты античной мифологии (Психея), славянской (культ предков, трансформированный автором в культ потомков на примере *Рождества*). Черты бабочки: хрупкость, летучесть, недоступность, полет, неуловимость (как фантазия) – появляются в образах некоторых персонажей В. Набокова – например, девочки Колетт в *Других берегах*. Таким образом, символ бабочки-души сочетается с атмосферой детства. Но он более выражен в рассказе *Рождество*. Последний, заключая в себе христианскую символику (в том числе в названии), также насыщен импликациями. Например, до своего превращения бабочка, сравниваемая с комком, напоминает евангельскую аллюзию (сюжет о воскрешении Лазаря). Слепцов еще не знает, что это будущая бабочка – как в Евангелии люди еще не знали, что Лазарь воскреснет (или не верили в это). Интересные находки обнаружил компаративный анализ переводов этого эпизода в Библии (от русского Синодального до английских). В рассказе Танатос переходит в жизнь, и герой Слепцов духовно воскресает и прозревает. Необычными оказались предполагаемые аллюзии в поэме *Детство*, где найдена перекличка (возможно, бессознательная) стихотворным размером и образностью со стихотворением романтика Д. Веневитинова *Домовой*. В связи с этим исследован пастиш у писателя. Неожиданными оказались обнаруженные аллюзии (возможно, бессознательные или удачно зашифрованные) из славянского фольклора. Выявлены бинарные оппозиции: плоть (тело)/душа, Эрос/Танатос, жизнь/смерть, смерть/воскресение, прекрасное (эстетическое)/безобразное (антиэстетическое), слепота/прозрение, физическое/духовное, реальное/ирреальное, и т.д. Отдельным интересным предметом оказались колоративы (в том числе импликации) бабочки. Итак, плодотворными оказались текстологический, компаративный, символический, мифологический, архетипный анализ (последний, в частности, выявил Аниму автора). Работа имеет перспективу продолжения с учетом имплицитности и аллюзионности произведений В. Набокова – в том числе проанализированных текстов.

7. Благодарность

Автор статьи выражает благодарность сотруднику BCUL, слависту и искусствоведу Андреа Кантинотти (Andrea Cantinotti) за предоставленную возможность работать с изданиями В. Набокова и другими источниками в указанной библиотеке.

Литература

Арустамова, А. А., Кондаков, Б. В., Краснаярова, А. А., Чжан, Юаньюань, ‘Глава 3. Тема Китая в творчестве В. Набокова’, Владимир Набоков: писатель и переводчик: коллективная

- монография / под общ. ред. Н. М. Нестеровой и Е. А. Княжевой. Москва: ФЛИНТА (2023): 61-65.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложением. Москва: Российское Библейское общество, 2009.
- Веневитинов, Дмитрий, "Домовой", Веневитинов, Дмитрий Владимирович. *Избранное*. Москва: Гос. изд. худ. лит. (1956): 68, 244.
- Гура, А. В., "Бабочка", *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. А-Я. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: "Международные отношения" (2002): 27.
- Набоков, Владимир. *Другие берега*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954.
- Набоков, Владимир, "Интервью журналу "Воз", апрель 1972 г." / Перевод С. Ильина / Из интервью, Набоков, Владимир Владимирович, *Американский период. Собрание сочинений в 5 т.: Пер. с англ.* / Сост. С. Ильина, А. Кононова. Комментарии С. Ильина, А. Люксембурга. Санкт-Петербург: "Симпозиум". (Т. 5) (2004): 601-603.
- Набоков, Владимир, "Интервью телевидению Би-би-си, 1962 г." / Пер. М. Маликовой под ред. С. Ильина, / Из интервью, Набоков, Владимир Владимирович, *Американский период. Собрание сочинений в 5 т.: Пер. с англ.* / Сост. С. Ильина, А. Кононова. Комментарии А. Люксембурга. Санкт-Петербург: "Симпозиум". (Т. 2) (2008): 567-568, 577.
- Набоков, Владимир. *Полное собрание рассказов*; сост. А. Бабинов. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. (The Big Book).
- Набоков, Владимир, "Рождество", Набоков, Владимир, *Возвращение Чорба. Собрание рассказов и повестей. Т. 1.*, Ардис / Ann Arbor / Ardis / Ann Arbor (1976): 67-75.
- Набоков, Владимир. *Стихотворения, рассказы*. Рисунки Г. А. В. Траугот. Толстая Н. И. Составление. Примечания. 1991. Толстой А. Д. Вступительная статья. Ленинград: Дет. лит., 1991.
- Попова, О. А., Соболева, О. В., "Глава 1. Усадебный текст в творчестве Владимира Набокова", *Владимир Набоков: писатель и переводчик: коллективная монография / под общ. ред. Н. М. Нестеровой и Е. А. Княжевой*. Москва: ФЛИНТА (2023): 23.
- Рыклин, Михаил. *Свобода и запрет. Культура в эпоху террора*. Москва: Логос, Прогресс-Традиция, 2008.
- Сдобнов, Виктор Васильевич. *Русская литературная демонология: этапы развития и творческого осмысления: Монография*. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.
- Терновская, О. А., "Бабочка", *Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н. И. Толстого. РАН. Т. 1. А-Г*. Москва: "Международные отношения" (1995): 125-126.
- Толстой, А. Д., "О Владимире Набокове", Набоков В. *Стихотворения, рассказы*. Рисунки Г. А. В. Траугот. Толстая Н. И. Составление. Примечания. 1991. Толстой А. Д. Вступительная статья. Ленинград: Дет. лит. (1991): 13.
- Шаховская, Зинаида Алексеевна, "В поисках Набокова", Шаховская, Зинаида Алексеевна. *В поисках Набокова. Отражения*. Москва: Книга (1991): 48.
- Шаховская, Зинаида, "В. И. Поль и Ангельские стихи В. Набокова", *Русский Альманах. Зинаида Шаховская. Ренэ Герра. Евгений Терновский*. Париж. – *Almanach Russe. Zinaïda Schakovskoy. Rene Guerra. Eugene Ternovsky*. Paris (1981): 234-235.
- Chetwynd, Tom, *A Dictionary of Symbols*. London, Glasgow, Toronto, Sidney, Auckland, Paladin Grafton Boos, 1987.
- Colin, Didier, *Dictionnaire des symboles, des mythes et des légendes*. Hachette, 2000.
- Hall, James, *Illustrated Dictionary of Symbols in Eastern and Western Art*. Illustrated by Chris Puleston, John Murray, 1994.
- Philibert, Myriam, *Dictionnaire des symboles fondamentaux. L'homme et l'univers*, Éditions du Rocher, Jean-Paul Bertrand, 2000.
- Shepherd, Rowena & Rupert, *1000 symbols. What shapes mean in art & myth*, With 1,157 illustrations, Thames & Hudson, 2002.
- The Holy Bible. Apocrypha – The Holy Bible. Containing the Old and New Testaments* [without date]. Translated out of the Original Tongues and with the former Translations diligently compared

and revised by His Majesty's special command. Appointed to be read in Churches. Oxford : Printed at the University Press, London : Humphrey Milford, Oxford University Press, Amen House, E.C. 4, New York and Toronto. Printed in Great Britain. (Cum Privilegio).

The Holy Bible. Containing the Old and New Testaments. Revised Standard Version. Translated from the original tongues being the version set forth A.D. 1611 revised A.D. 1881–1885 and A.D. 1901 compared with the most ancient authorities and revised A.D. New York and Glasgow. London – Toronto – Sydney – Auckland. Collins' Clear-Type Press. Printed in Great Britain, 1952.

THE EVOLUTION OF THE BUTTERFLY IMAGE-SYMBOL IN VLADIMIR NABOKOV'S SELECTED WORKS

Abstract: *The article is our attempt at a comparative and complex consideration of the image-symbol of the butterfly and the associated atmosphere of childhood in the Christian aspect in certain texts by Vladimir Nabokov. The main attention we pay to the works created by him in emigration. The Swiss context, both theoretical and practical (including those related to the scientific conferences in which the author of the study participated) is highlighted. Some sources available in the public domain of the Cantonal and University Library of Lausanne (BCUL) are used. The material of the analysis is his selected works and interviews, where the key is the image-symbol of the butterfly: the short story Christmas, the memoirs Other Shores, early lyrics (under the pseudonym V. Sirin). It is joined by the images of a girl from childhood (from real to generalized), Alexandre Blok's Beautiful Lady (La Belle Dame), etc. The connection between Christmas and Other Shores is highlighted (showing childhood, a butterfly symbol, a neighbour girl, etc.). Allusions are also singled out. Attention is paid to less noticeable reminiscences, allusions, pastiche, etc. The reception of Nabokov in the surrounding of the contemporary Russian emigration is considered. We tried to prove the hypothesis that the image-symbol of the butterfly is one of the most important in the writer's work, but at the same time it is shown by him in development. Real and surreal features of the butterfly in Nabokov's discourse are highlighted. Especially, coloratives related to both symbolic and entomological aspects are analysed. Binary oppositions have been found: soul – body (flesh), blindness – insight, aesthetic – anti-aesthetic, etc. The Slavic, French, Swiss, American and other contexts of the author's work are singled out. Texts in Russian, English and French have been studied for the analysis. Textual, symbolic, mythological, poetological, and comparative analysis are used.*

Keywords: image, butterfly, text, memory, symbol, archetype, mythology, Christianity, emigration.